

Петр ОРЕХОВСКИЙ

ПАРАДОКСЫ РЕГРЕССИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ*

Тема модернизации продолжает оставаться актуальной в России. Ее рассматривают как насущную задачу и Правительство, и парламент, и оппозиция, и научная общественность. Процесс экономического роста, начавшийся в 2000-е гг., рассматривается как восстановление после катастрофы СССР, а проект модернизации связывают с построением российского аналога западного «общества благоденствия», во многом напоминающего старые мечты о «социализме с человеческим лицом». Однако существуют различные варианты модернизации. Концепция регрессивной модернизации, предложенная С. Холлом в 1980-е гг. для характеристики политики правительства М. Тэтчер, позволяет намного лучше понять историю 1990-х и текущую экономическую политику как в России целом, так и в ее регионах. Специфический парадокс регрессивной модернизации заключается в проведении российским правоцентристским Правительством элементов неолиберальной политики в сочетании с государственным патернализмом и даже популизмом. Элементы социальной архаики, такие как клерикализм и национальные автономии, пользующиеся отдельными правовыми режимами в рамках Федерации, заставляют вспомнить о гибком имперском политическом устройстве. Экспорт традиционализма и патернализма, которые при этом выглядят как современный институциональный дизайн, являясь основой российской «мягкой силы». Это создает возможности для наращивания выгодного торгово-экономического сотрудничества России со странами как левой ориентации, так и сохраняющими авторитарные, правоконсервативные политические режимы.

Ключевые слова: деиндустриализация, регион, регрессивная модернизация, традиционализм, экспорт институтов

JEL: B52, F02, F52, P39

Новейшая политическая и экономическая история России изобилует парадоксами. Распад СССР продемонстрировал хрупкость федеративного устройства, при котором в рамках единого государства сохраняются национальные образования, имеющие высокую степень политической и экономической автономии. После этого события ни одна республика,

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

бывшая в составе СССР, кроме Российской Федерации, не предоставила подобных прав автономии какому-либо из регионов со значительным национальным меньшинством. В 1990-е гг. казалось, что Российская Федерация вскоре повторит судьбу СССР, однако этого не произошло. Напротив, сецессии в той или иной форме затронули Грузию и Молдову (если не считать Азербайджан, где карабахский конфликт начался еще в советское время), а страны Прибалтики подверглись сильнейшей депопуляции.

К концу 1990-х гг. также представлялся неизбежным «левый поворот» (термин, введенный М. Ходорковским), определенный «реванш» левого, социал-демократического, движения. Вместо этого сложившаяся парламентская коалиция *получила ярко выраженную правую ориентацию*. И в настоящее время имеющая парламентское большинство в Государственной Думе партия «Единая Россия» является правопоцентристской.

Приоритетами экономической политики, которую сегодня осуществляет российское государство, являются: контроль над инфляцией, сбалансированный (а зачастую и профицитный) бюджет, сохранение «плоской» шкалы налогообложения для физических лиц, свободный валютный курс и стимулирование экспорта. Для большинства российских политиков характерны заявления о поддержке предпринимательства, защите прав собственности, требования равенства всех граждан и «хозяйствующих субъектов» перед законом. Все это вполне согласуется с широко распространенными представлениями о том, как должно себя вести «капиталистическое правительство, возглавляемое неолибералами».

На этом фоне удивительным феноменом является то, что на внешней арене союзниками России оказываются правительства, осуществляющие в основном социал-демократическую или популистскую политику, предусматривающую активную роль государства в экономике, усиление роли профсоюзов, реализацию программ помощи бедным и т.д. Напротив, со странами, правительства которых придерживаются вроде бы сходного с российским курса в экономической политике, зачастую складываются крайне напряженные торгово-экономические отношения, возникают многочисленные конфликты. Примеры этих странных конфликтов и, напротив, союзов можно обнаружить повсюду — и в странах бывшего СССР, и в Восточной Европе, и в Латинской Америке.

Почему Россия, отказавшаяся от социализма в начале 90-х гг. прошлого века, находит политических и экономических партнеров среди относительно небогатых стран, правительства которых проводят активистскую государственную экономическую политику? В отношении того, какие институты пытался в свое время экспортировать СССР, среди экономистов и социологов существует определенный консенсус. Однако, *что предлагает* своим партнерам нынешняя *капиталистическая Россия*? И почему, напротив, многочисленные отечественные попытки импортировать либеральные институты богатых стран зачастую заканчиваются неудачей в России?

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, связан со *спецификой переживаемой отечественным обществом социальной трансформации*.

Часть этой специфики связана с российским «эффектом колеи», однако другая часть определяется структурными особенностями перехода к постиндустриальному обществу, который начался в богатых странах еще в 1970-е гг. Эти особенности в то время привели к поражению левых партий в Европе и победе Р. Рейгана в США. Многое из того, что происходило тогда и что происходит в России сегодня, имеет смысл интерпретировать с помощью концепции регрессивной модернизации, предложенной С. Холлом [1].

Ржавые «индустриальные пояса» и западный «институциональный склероз». Подъем неолиберализма

Деиндустриализация богатых стран Запада началась в 70-е гг. XX в. после внешнеэкономического шока, вызванного израильско-арабским конфликтом и ростом цен на нефть. Как указывает С. Коткин: «В Англии 1970-х годов Шеффилд и окружающая его промышленная зона потеряли более чем 150 тысяч рабочих мест только в сталелитейной индустрии; еще большие потери были в машиностроении; в результате крупнейшим работодателем Шеффилда стал городской совет. Тогда же “мастерская Германии” — Рурская область со множеством ее сталелитейных заводов — лишилась 100 тысяч рабочих мест. В Пенсильвании, штате, пользовавшемся славой “Американского Рура”, “черная пятница” (30 сентября 1977 года) нанесла смертельный удар по промышленности города Вифлеем, на заводах которого в свое время была сделана сталь, пошедшая на мост Джорджа Вашингтона между Манхэттеном и Нью-Джерси, мост “Золотые ворота” в Сан-Франциско, Национальную галерею искусства в Вашингтоне и на множество шахт для межконтинентальных баллистических ракет. В результате кризиса был разорен главный промышленный регион США — 8 штатов района Великих озер (Пенсильвания, Огайо, Мичиган, Иллинойс, Индиана, Висконсин, Миннесота, Нью-Йорк).

В 1970-е годы в США закрылось более тысячи заводов... И хотя в середине 1980-х годов индустрия Среднего Запада вновь начала расти, занятость уже никогда не достигала здесь прежнего уровня. В итоге даже главный стальной монстр — *US Steel* — сумела выкарабкаться из кризиса, чего не скажешь о местных жителях, работавших на предприятиях этой компании... (завод в Хомстедде (недалеко от Питсбурга, штат Пенсильвания) насчитывал 20 000 работников в 1945 году, 9000 в 1970-х, 3500 — в начале 1980-х и 23 — в день его закрытия в июле 1986 года. Непосредственно после окончания Второй мировой войны около 40% всех работавших в США зарабатывали на жизнь благодаря (прямо или косвенно) сталелитейной и металлообрабатывающей промышленности)» [2, с. 21–22].

Деиндустриализация сопровождалась структурными изменениями, предсказанными еще Д. Беллом в его характеристике постиндустриального общества [3]: росла занятость в сфере услуг, добавленная стоимость увеличивалась наибольшими темпами в здравоохранении, финансах, секторе информационных технологий. В странах бывшего

СССР все эти тенденции начали по-настоящему развиваться только в 1990-е гг. При этом пара потерянных десятилетий (1970-е — 1980-е гг.) привела к обвальному, катастрофическому характеру российской деиндустриализации. «Ржавые пояса» возникли в регионах Центра, окружающих Москву, в Поволжье и на Урале, протянувшись через Южную Сибирь и Забайкалье до Дальнего Востока.

Стагфляцию 1970-х гг., деиндустриализацию и переход к гибким автоматизированным производствам, развитие информационных технологий и т.д. можно характеризовать в духе «длинных волн» Н. Кондратьева, и часть советских и зарубежных исследователей интерпретировала происходящее именно так [4; 5]. Однако проблема была не только (и не столько) в этом. Господство массового производства и огромных финансово-промышленных корпораций привело к *формированию устойчивых распределительных коалиций*. Такую ситуацию М. Олсон характеризовал как «институциональный склероз». Напомним несколько следствий, вытекающих из концепции коллективного действия, которые приводит сам Олсон:

- в стабильных обществах с неизменными границами с течением времени растет число сговоров и организаций для коллективных действий;
- распределительные коалиции снижают возможности общества по внедрению новых технологий и перераспределению ресурсов в ответ на изменяющиеся условия и тем самым снижают темпы экономического роста;
- распределительные коалиции, став достаточно большими, чтобы стать успешными, приобретают закрытый характер и стремятся ограничить различия в доходах и системах ценностей своих членов;
- рост числа распределительных коалиций приводит к усложнению регулирования, увеличению роли государства и сложности договоренностей, а также изменяет направление социальной эволюции [6, с. 104–105].

К 1970-м гг. в большинстве развитых стран доминировали кейнсианские представления о необходимости государственного регулирования социально-экономического развития. Сильные профсоюзы дополняли широкое представительство партий левой ориентации в законодательных органах. Действовала мощная система социального обеспечения, пособий, льгот. Попытки изменить неповоротливую бюрократическую систему государственного управления, связанную с интересами крупной промышленности, предпринимались не раз и блокировались парламентами.

Стагфляция и финансовые проблемы 1970-х гг. привели к поражению кейнсианцев, а левые партии стали проигрывать выборы. Монетаризм и неолиберализм предоставили новую политико-экономическую платформу для правых и консервативных партий, и уже в 1980-е гг. во многих западных странах начался «демонтаж» государства общественного благосостояния. Вместе с этим разрушались и старые распределительные коалиции, что, в конечном итоге, запустило процесс экономическо-

го роста. *Неолиберализм стал новым мейнстримом*, а его представители получили политическую власть.

Смена теоретико-экономической платформы привела к смене приоритетов в экономической политике. Если раньше главным была борьба с безработицей, то в 1980-е гг. — борьба с инфляцией. Дифференциация доходов перестала быть проблемой, которая бы находилась в центре общественного внимания. На передний план вышел экономический рост, достигаемый с помощью снижения налогов, приватизации, упрощения административных процедур. Бреттон-Вудская система была заменена на систему плавающих валютных курсов, что изменило и отношение к государственному долгу: дефицит бюджета перестал рассматриваться только как «зло», более важной проблемой стала возможность (или невозможность) его обслуживания, выплата процентов по долгу.

Рабочий класс, как и левые партии, перестал выступать в качестве одного из политических гегемонов как во время выборов, так и после них. Бывшие большие социальные группы (классы) распались. Общество изменилось: в нем исчезло прежнее «большинство», начал размываться даже пресловутый «средний класс». Теперь по любому вопросу стало необходимо собирать коалицию меньшинств.

И это явление также хорошо известно в России: начиная со второй половины 1990-х получение любого необходимого легитимного решения предполагало создание такой коалиции меньшинств. Гегемония «союза рабочего класса и крестьянства» ушла в прошлое. Неолиберализм, как сравнительно простая идеология, не требовал (если еще раз обратиться к Олсону) «усложнения регулирования, увеличения роли государства и сложности договоренностей». Напротив, он увеличивал степень свободы для действий как отдельных хозяйственных акторов, так и для политических меньшинств. Несмотря на сложность применяемого авторами для доказательств своих тезисов формализованного экономико-математического аппарата, предложенные и осуществленные на практике неолиберальные институциональные реформы предъявляют *значительно более низкие требования к человеческому капиталу* менеджеров как в государственном, так и в частном секторе. Это несравнимо со сложностью кейнсианской политики «точной настройки», требующей изощренного фискального регулирования и точечной поддержки так называемых «ключевых» отраслей.

Гегемония, регрессивная модернизация и социальная архайка

Десятилетия политики строительства государства всеобщего благосостояния не проходят даром: переход к неолиберальному курсу встретил сильное сопротивление. Как указывает социолог и политолог П. Андерсон: «Хотя Тэтчер действительно никогда не располагала количественным большинством избирателей, и ее политика постоянно критиковалась значительной частью населения, она привлекала на свою сторону солидный спектр социальных агентов, от банкиров и интеллектуалов

до мелких работодателей и высококвалифицированных рабочих, которые образовали исторический блок в смысле Грамши. Интуитивно тэтчеризм понимал, что социальные интересы часто противоречивы, что идеологии не обязаны быть последовательными, что идентичности редко бывают стабильными, а потому работал и с тем, и с другим, и с третьим, чтобы сформировать новых субъектов — представителей народа, воплощающих его гегемонию. У этой гегемонии, как постулировал Грамши, обязательно должно быть определенное экономическое ядро: финансовое дерегулирование и приватизация социальных служб в пользу Сити, понижение налогов для среднего класса, рост заработной платы для высококвалифицированных рабочих, продажа муниципальных квартир массам в целом. Но все это вместе покрывалось грамшианской «пассивной революцией» в варианте Тэтчер: на уровне идеологии была обещана модернизация, давно уже назревшая в стране, которая так и не прошла второй раунд капиталистической трансформации, оживившей ситуацию в послевоенных Германии и Японии. Ключом к ее успеху был парадокс «регрессивной модернизации» [7, с. 353–354].

Регрессивная модернизация — процесс, в ходе которого внедрение новых технологий, структурная перестройка экономики сопровождается «схлопыванием», упрощением социальных структур, ликвидацией части регулятивных институтов государства всеобщего благосостояния. Во время индустриализации появление подоходного налога и налогов на наследство, а впоследствии — прогрессивного налогообложения, ограничение продолжительности рабочего дня, запреты на эксплуатацию детского труда, введение порога минимальной заработной платы, создание антимонопольных служб, контролирующих тарифы и степень концентрации на рынках, как и многое другое, воспринималось как прогресс. Создание новых институтов сопровождало появление новых технологий и образцов техники. Напротив, ликвидация этих институтов может быть охарактеризована как *социальный регресс на фоне технического прогресса*.

С. Холл, выдвинувший концепцию регрессивной модернизации, пытался противопоставить тэтчеризму и, более широко, неолиберализму создание широкой левой коалиции, сотрудничая с английскими лейбористами. Впоследствии он разочаровался в них, поскольку лейбористы только расширили общие параметры тэтчеризма, а не подвергли этот политический курс радикальному пересмотру. Однако насколько реален был проект альтернативной, прогрессивной модернизации в Великобритании последней четверти XX в.? Насколько реально было создание политической коалиции, которая могла бы осуществить этот проект? Эти вопросы остаются открытыми.

Социальный сдвиг, обусловленный неолиберальной социально-экономической политикой, привел к неожиданным последствиям. Риторика защиты «прав человека», индивидуальных прав и свобод, с одной стороны, вызвала подъем феминизма, юридического оформления возможности существования однополых семей и т.д. С другой стороны, право на свободу передвижения, которое также является одним из ключевых прав человека, привело к формированию множества национальных

диаспор в странах Запада. Ответом стал мультикультурализм, и понадобился достаточно большой период, чтобы заметить очевидное — *многие иммигрантские сообщества не собираются ассимилироваться и принимать западные ценности*. Но даже попытка публично говорить об этом вызвала в свое время в ФРГ большой скандал [8].

Непредвиденным результатом неолиберализма и регрессивной модернизации стал подъем социальной архаики — национализма (вплоть до его крайних проявлений), милитаризма и резкого увеличения степени вовлеченности вооруженных сил в международные конфликты (начало было положено еще во время правления М. Тэтчер (британско-аргентинский конфликт) и Р. Рейгана («маленькая победоносная война» в Гренаде), терроризма. К середине XXI в. многие богатые страны представляют собой «расколотые общества». Однако характеристика последних выходит далеко за рамки темы данной работы.

***Широкая российская правая коалиция.
Возможности и ограничения экспорта российских институтов***

В России, пережившей обвальную деиндустриализацию в 1990-е гг., *риторика неолиберализма была дискредитирована*. Но и исторический опыт функционирования СССР 1980-х, который связывался с тотальным товарным дефицитом, скрытой инфляцией и, как ни странно, социальной несправедливостью, риторически увязываемой с «палачами» и «тоталитаризмом», также не был забыт. В результате в конце 1990-х — начале 2000-х гг. сформировалась широкая правая коалиция, которая по своему составу и действиям удивительно напоминает тэтчеризм. Как указывает уже цитировавшийся нами П. Андерсон: «Сплетая друг с другом противоречивые линии монетаристского неолиберализма и органицистского торизма, тэтчеризм пытался сконструировать новый здравый смысл, как его понимал Грамши. Отождествляя свободу с рынком, а порядок — с моральной традицией, он связывал возможности одного с ценностями другого в единый пакет, предназначенный для народного потребления. Это был гегемонический проект...» [7, с. 352–353].

Этот российский гегемонический проект оказался на редкость успешным. Монетизация социальных льгот дополнилась введением программы материнского капитала, реформа естественных монополий шла параллельно с приватизацией активов крупных компаний. Рост финансового сектора и укрепление банков дополнили гарантией государства по вкладам. Сохранили «плоскую» шкалу подоходного налога, а для предпринимателей появилась «упрощенка» — единый налог на вмененный доход.

Как и в богатых странах, регрессивная модернизация привела к подъему архаики, однако в России это вызвало противоположные последствия. Как ни странно, сохранение *национальных юрисдикций в составе федеративного государства* позволило избежать острых конфликтов и интегрировать Кавказ. В 1990-е гг. в рамках либерального проекта эта задача казалось нерешаемой, а даже риторические попытки

«подровнять» субъекты Российской Федерации и ввести вместо республик, краев и областей губернии вызвали крайне резкую реакцию у национальных элит. Во многом интеграции способствовала поддержка государством традиционных религий, которые в западных богатых странах оказались в своего рода культурной изоляции. Напротив, в России после распада коммунистической идеологии религиозное возрождение стало одним из немногих феноменов, смягчавшим гражданское противостояние. Укрепление вооруженных сил, полиции и других силовых структур также способствовало формированию новых социальных институтов, соответствующих «имперскому духу» в русле регрессивной модернизации.

Естественно, что подъем социальной архаики был воспринят российскими и западными либералами резко отрицательно. Критика этих феноменов с позиций традиционной, прогрессивной модернизации постепенно формирует *дискурс альтернативной российской истории*, в рамках которой в 1990-е гг. проводились гуманистические либерально-демократические реформы, укреплялось гражданское общество, а в 1999 г. на политическую арену вышел новый Президент с диктаторскими замашками и все испортил. С. Коткин замечает по этому поводу: «Многочисленные аналитики возлагали вину на догматические, как им казалось, монетаристские реформы, осмеянные как “тэтчеризм” или “рыночный большевизм”. Но эти критики не могли *показать, как именно* Россия претерпела безжалостные неолиберальные реформы. Дело в том, что таких реформ никогда не было и не могло быть. То же самое можно сказать и о благих “альтернативах” этим реформам. Противники российского риторического неолиберализма не были в состоянии определить, *кто же именно* должен был воплотить в жизнь рекомендуемые ими “постепенные” реформы. Уж не миллионы ли чиновников, предавших советское государство и занятых самообогащением?» [2, с. 122].

Вероятно, можно придумать какой-то вариант, при котором трансформация промышленности СССР и изменение ее политико-экономической системы сопровождалось бы гораздо меньшими издержками. Однако такой вариант, безусловно, предполагает *совершенно иную степень коллективной когнитивности российской элиты*, другую структуру когнитивности в целом. Концепция регрессивной модернизации, которую в свое время обнаружил тэтчеризм, является наиболее простой и доступной для индустриальных стран со средним уровнем дохода.

В свете вышесказанного становится понятной картина межгосударственных конфликтов и альянсов постсоветской, капиталистической России. Подъем имперской архаики и традиционных религий в нашей стране обеспечивает ей ту «мягкую силу», о которой было принято говорить применительно к богатым западным странам в эпоху Модерна. Например, если говорить о Европейском Союзе, то Россия относительно легко найдет общий язык с «Европой наций», которая представляет собой своеобразную империю, во многом институционально близкую к российской, но будет находиться в конфликте с «Европой регионов». Последняя предполагает унификацию, достаточ-

но жесткое централизованное регулирование, единую внешнеторговую, финансовую и миграционную политику. Напротив, ситуация, когда каждое государство осуществляет регулирование, исходя из собственных интересов, не находясь под патронажем США или Брюсселя, позволяет найти ему с Россией общий язык.

Также становится понятно, почему у России часто возникают выгодные альянсы с экономиками со средним уровнем дохода, правительства которых придерживаются «левой» ориентации. Последняя предполагает осуществление индустриализации и «первичной» модернизации, которая, как правило, осуществляется авторитарными и популистскими политическими режимами. В отличие от западных стран, которые с мессианской убежденностью пытаются экспортировать институты либеральной демократии, российские компании, как и российские политики, *готовы принимать и понимать «местную специфику»*. Как только какое-либо из государств по той или иной причине выпадает из иерархической организации «однополярного мира» (а в случае стран с правительствами левой ориентации это случается достаточно часто), сразу же возникает возможность взаимовыгодных торгово-финансовых альянсов с капиталистической Россией.

Как было показано выше, концепция регрессивной модернизации не является специфическим российским открытием. Однако, дополненные компонентами традиционализма и патернализма, институты регрессивной модернизации в настоящее время являются *основными «статьями» российского институционального экспорта*. Взаимодействие конфессий под патронажем государства, «имперское» федеративное устройство, допускающее наличие культурно-национальных автономий, государственный патернализм, тесно переплетающийся с крупным бизнесом в рамках частно-государственного партнерства — вся эта российская институциональная среда хорошо приживается и на восточно-азиатской, и на ближневосточной, и на латиноамериканской почве. Старые советские элементы дирижизма, которые также воплощаются в практике «ручного управления» и персональной ответственности государственных чиновников за развитие частного бизнеса — элементы российского институционального дизайна, который, как это ни странно, находит применение даже в некоторых богатых западных странах (при этом, однако, респектабельно ссылаться на Ф. Листа, камералистику и неомеркантилизм).

* * *

На пути российского институционального экспорта есть свои ограничения. Широко известными слабостями российской институциональной модели являются, во-первых, недостаточная полнота и юридическая проработанность формальных контрактов, опора на традиции и доверие.

Во-вторых, сравнительная «рыхлость» судебной системы и хозяйственного законодательства, позволяющая трансформировать административные и экономические конфликты в уголовные.

В-третьих, сравнительно высокая цена доступа к судебной системе и юридической защите прав собственников, что способствует сохранению большого удельного веса неформальной (теневой) экономики.

Следствием этих ограничений являются и регулярные поражения российских компаний в ходе судебных разбирательств с западными компаниями в международных судах. В этом отношении важнейшей задачей российского государства является изменение всей системы воспроизводства и распространения юридических знаний, усвоение и перенос лучших западных практик в Россию. И это уже — проблема импорта институтов, которая выходит за рамки данной работы.

Список литературы

1. Hall S. The Hard Road to Renewal: Thatcherism and the Crisis of the Left. London: Verso Books, 1988. 283 p.
2. Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза. 1970 — 2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 240 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
4. Меньшиков С., Клименко Л. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения, 1989. 272 с.
5. Менш Г. Технологический пат: инновации преодолевают депрессию. М.: Экономика, 2001. 211 с.
6. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013. 324 с.
7. Андерсон П. Перипетии гегемонии. М.: Институт Гайдара, 2018. 296 с.
8. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: АСТ, 2013.

PARADOXES OF REGRESSIVE MODERNIZATION AND EXPORT OF RUSSIAN INSTITUTIONS

In Russia, the topic of modernization continues to be relevant. The government, the parliament, the opposition, and the scientific community regard it as an urgent task. The process of economic growth, which began in the 00s, is viewed as recovery after the USSR catastrophe, and the modernization project is associated with the construction of the Russian analogue of the Western “welfare society”, in many ways resembling old dreams of “socialism with a human face”. But there are various options for modernization. In the 1980-s S. Hall proposed the concept of regressive modernization for characterize the policy of the government of M. Thatcher. This concept allows a much better understanding of the history of the 1990s and the current economic policy in Russia. The specific paradox of regressive modernization is that the Russian center-right government conducts elements of neoliberal politics in combination with state paternalism and even populism. Elements of social archaics, such as clericalism and national autonomy, which enjoy separate legal regimes within the Federation, remind us of a flexible imperial political system. The export of traditionalism and paternalism, which at the same time look like a modern institutional design, is the basis of Russian “soft power”. This creates opportunities for increasing profitable trade

and economic cooperation with countries of both left orientation and preserving autocratic, right-wing conservative political regimes.

Keywords: deindustrialization, region, regressive modernization, traditionalism, export of institutions

JEL: B52, F02, F52, P39

Дата поступления — 13.05.2019 г.

ОРЕХОВСКИЙ Петр Александрович

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий сектором Философии и методологии экономической науки; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки институт экономики РАН / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации / Ленинградский проспект, д. 49, г. Москва, 125993.
e-mail: orekhovskypa@mail.ru

OREKHOVSKY Petr A.

Dr. Sc. (Econ.), Professor; Head of Sector of Philosophy and Methodology of Economy science;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218;
Financial University under the Government of the Russian Federation / 49, Leningradsky Av., Moscow, 125993.
e-mail: orekhovskypa@mail.ru

Для цитирования:

Ореховский П. Парадоксы регрессивной модернизации и экспорт российских институтов // Федерализм. 2019. № 2. С. 61–71.